

УДК 82-3

Н.А. Масленкова, Е.Н. Сергеева*

**«А МОЖЕТ БЫТЬ И ТО: ПОЭТА ОБЫКНОВЕННЫЙ ЖДАЛ УДЕЛ?»:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ПИСАТЕЛЯ-КЛАССИКА
В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ**

В статье исследуются произведения в жанре альтернативной истории. В основе сюжета этих текстов лежит «развилка судьбы» писателей-классиков, которые избегают смерти, в результате чего исторические события развиваются по новой траектории. Исследователи доказывают, что фигура писателя в отечественной культуре всегда неразрывно связана с властным дискурсом, что свидетельствует об актуальности стереотипа литературоцентричности.

Ключевые слова: альтернативная история, образ писателя-классика, литературоцентричность российской культуры.

Тема, которая вынесена в заголовок данной статьи, задана А.С. Пушкиным, когда он в «Евгении Онегине» перечисляет возможные варианты жизни Ленского, размышляя об этом именно тогда, когда все эти варианты превратились для героя в невозможные — он убит на дуэли. Об этом писал в статье «Смерть как проблема сюжета» Ю.М. Лотман: «В “Евгении Онегине” Пушкин заключает строфы, посвященные смерти Ленского, лирическим отступлением. В нем размышления о тех событиях, которые потенциально “могли бы” произойти, но не произошли в результате гибели героя на дуэли, меняют для читателя кардинальным образом переживания самой сути сюжета. Реальность выступает перед читателем как разрушение пучка потенциальных возможностей» [1, с. 11].

К текстам, в основе которых лежит схема, замеченная Ю.М. Лотманом, где присутствует некая «развилка» в биографии гениального писателя, с которой начинается иная судьба и иная история, относятся несколько произведений, написанных в 1990-е годы: рассказы Бориса Штерна «Второе июля четвертого года. Новейшие материалы к биографии Антона П. Чехова» (1994) [2] и Татьяны Толстой «Сюжет» (1997) [3], первый роман трилогии Андрея Лазарчука и Михаила Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» (1997) [4]. В их основе лежит сюжетный ход «что было бы, если...»: если бы Чехов в 1904 году не умер, а выздоровел (Б. Штерн); если бы Пушкин не был убит на дуэли (Т. Толстая); если бы Гумилев не был расстрелян ВЧК (Лазарчук-Успенский).

Моментом «развилки» судьбы, после которой события развиваются по новой траектории, является в рассматриваемых текстах **момент смерти писателя**.

Несостоявшаяся смерть героя как развилка сюжета становится отправной точкой развертывания альтернативной версии биографии. Ю.М. Лотман понимает смерть

---

* © Масленкова Н.А., Сергеева Е.Н., 2017

Масленкова Наталья Александровна (maslenkova@mail.ru), кафедра теории и истории культуры, *Сергеева Елена Николаевна* (e.n.sergeeva@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

как границу, которая разрушает «пучок потенциальных возможностей» реальности: «Этот момент – момент взрыва непредсказуемости: он дает набор равновероятных возможностей, из которых реализуется только одна» [1, с. 11]. В своих произведениях указанные авторы как раз и воплощают одну из того «набора равновероятных возможностей», о которых говорит Лотман.

Все авторы выстраивают повествовательную стратегию в виде «игры в текст». Рассказ Б. Штерна построен как литературная мистификация, выстраивающая перспективу авторов текста: первым биографию Чехова написал Дэвид Магаршак (на английском языке), через какое-то время «она была оригинально переработана прекрасным писателем Уильямом С. Моэмом», представленный же вниманию читателя текст является переводом этой биографии на русский язык. Эта игра дает Б. Штерну возможность сначала изложить общеизвестные факты биографии Чехова (и до поры до времени мы читаем ее как стандартную биографию писателя). Лишь в середине произведения появляется «развилка». И далее развертывание альтернативной биографии писателя идет параллельно с развертыванием альтернативной версии истории.

«Чехов после 1904 года» – это сначала центральная фигура в литературных кругах («после смерти Л. Толстого он «по праву “наследного принца” возглавил русскую литературу» [2, с. 58]), а после 1914 года – своеобразный «серый кардинал» российской истории: «Итак, Чехов не успел вложить Нобелевскую премию в школы, но ОТДАЛ ЕЕ НА ПАРТИЮ. <...> в разгар войны он выделил 100 тысяч долларов – большие деньги по тем временам – на побег за границу группы видных ссыльных-большевиков... с условием прекращения ими политической деятельности» [2, с. 64]. В результате этих действий в России устанавливается более мягкая версия советского строя.

Татьяна Толстая строит текст как шутку: сам текст канонической биографии Пушкина остается за пределами рассказа, присутствуя в повествовании лишь имплицитно. Первая фраза рассказа отсылает читателя к хрестоматийному факту дуэли и сразу задает характер игры: «Допустим (курсив наш. – Н.М., Е.С.), в тот самый момент, когда белый указательный палец Дантеса уже лежит на спусковом крючке, некая рядовая, непоэтическая птичка божия, спугнутая с еловых веток возней и топтанием в голубом снегу, какает на длань злодея. Кляк! <...> Дантес убит, Пушкин ранен в грудь» [3, с. 258].

Основой для снижения образа Пушкина является сама ситуация «развилки»: ход событий складывается так, что «кляк» птички лишает Пушкина трагической смерти и заставляет прожить «рядовую, непоэтическую» жизнь со стандартным набором бытовых неурядиц («слезливая скука Натальи Николаевны», «дети-балбесы» и другие знаки обывательского быта, не совместимые в профанном сознании с высокой участью гения). Толстая, в отличие от Штерна, выбирает для героя самый обыденный вариант из всего «пучка» альтернатив (то есть именно ту участь, от которой Пушкин избавил Ленского и над которой иронизировал в «Евгении Онегине»). Однако герою будет еще дарована возможность совершить нечто, что изменит историю (и в этом мы видим сближение альтернативной биографии Пушкина с альтернативной биографией Чехова). Уже глубоким стариком Пушкин едет в Симбирск и сталкивается там с неким маленьким наглецом, который насмехается над ним: «Бабах! Скверный мальчишка со всего размаху всаживает снежок-ледышку в старческий затылок. Какая боль! Сквозь туман, застилающий глаза, старик, изумленно и гневно обернувшись, едва различает прищуренные калмыцкие глазенки, хохочущий щербатый рот, соплю, прихваченную морозцем. “Обезьяна! – радостно вопит мальчонка, приплясывая. – Смотрите, обезьяна! Старая обезьяна!”» [3, с. 260].

Пушкин, впад в ярость от обиды и унижения, жестоко бьет наглеца по голове палкой, в результате чего характер мальчика Володи меняется. Заметим, что, таким образом, в новелле Т. Толстой оказывается две развилки — и две «иные» биографии. Удивительная ирония: Толстая заставляет Пушкина сыграть в судьбе Володи Ульянова роль той самой «птички», которая когда-то изменила его собственную судьбу, роль слепого орудия судьбы.

Изменил ли Пушкин историю своим вмешательством, стоившим ему жизни (отомстив обидчику, он умирает от апоплексического удара)? Толстая дает довольно уклончивый и ироничный ответ. Ставший законопослушным и патриотичным Володя Ульянов даже не задумывается о революции, дорастает до больших чинов и умирает в мирной Российской империи в 1937 году. Казалось бы, страна, спасаясь от революции, благоденствует. Но сквозь эту реальность просвечивает другая, более знакомая читателю. «Сейчас ждем, когда нового Министра Внутренних Дел назначат. <...> Господин Джугашвили, кажется, фамилия» [3, с. 269] — такова последняя фраза рассказа.

В уже рассмотренных текстах главные герои так или иначе соприкасаются с Лениным и изменяют его роль в истории. Однако фигура Ленина нужна еще и для того, чтобы акцентировать внимание читателя на теме Власти и Истории и истинной роли в истории писателя.

Таким образом, фигура писателя оказывается неразрывно связана с властным дискурсом. В произведениях Толстой и Штерна она воплощается или в тайное манипулирование историей (случай Чехова), или в нечаянное, произвольное ее изменение (случай Пушкина). Еще более смелый и ироничный ход применяют Лазарчук и Успенский. Власть слова, о которой так охотно и вдохновенно говорила советская идеология применительно к писателям-классикам, в их альтернативной реальности является в буквальном смысле магическим оружием невероятной силы: разрушение стен Иерихона, оказывается, «осуществлено было не звуком труб <...> а чтением стихов безвестной до того времени поэтессы Раав» [4, с. 67].

Обратившись в поисках аналогий к мировой литературе, мы обнаружили несколько текстов. Это новелла Р. Брэдбери «О скитаньях вечных и о Земле» [5], роман испанского писателя Ф. Мариаса «Божественный свет» [6] и цикл британца Т. Холланда, включающий романы «Тайная история лорда Байрона, вампира» и «Раб своей жадности» [7]. В основе сюжетов этих произведений лежит та же сюжетная схема: «герой-писатель не умер, а...». Проанализируем, как решают ее авторы указанных текстов.

В новелле Брэдбери люди будущего с помощью машины времени спасают от смерти и переносят в свою эпоху писателя Томаса Вулфа, ибо никто, кроме него, не сможет достойно воспеть титанические достижения человечества, покорившего космос. Таким образом, Вулфу дарована новая жизнь для того, чтобы он совершил то и только то, что должен совершить писатель — создал художественный текст, после чего машина времени вновь переносит его в 1938 год.

Роман Мариаса рассказывает о том, как во время Гражданской войны в Испании главный герой подобрал на дороге и выхаживал молодого мужчину, раненого в голову и потерявшего память. Лишь через много лет герой видит на экране кинотеатра знакомое лицо и понимает, что спасенный им человек — поэт Федерико Гарсиа Лорка. Герой пытается рассказать эту историю журналистам, ученым, но постепенно осознает, что всем удобнее просто не знать неприглядную правду о великом поэте Испании, потерявшем Память и Слово.

Цикл Холланда о Байроне, написанный в жанре исторического хоррора, рассказывает о том, что лорд Байрон не умер, так как стал вампиром (в апреле 1823 г. в Миссолунги за тело поэта выдают тело его жертвы, а сам он скрывается).

При бесспорной разности названных текстов зарубежных авторов мы можем заметить одно объединяющее их обстоятельство. Ни в одном из этих произведений герой-писатель не вмешивается в развитие истории, авторы затрагивают разнообразные проблемы, связанные с фигурой поэта, — но не эту. И здесь видится разительное отличие от текстов отечественных авторов. Идея о воспитательной роли литературы, писателе-учителе жизни, влияющем на умы современников, становится в русской литературе предметом переосмысления и изображения. Но здесь важно, что формой для разговора об этом становится именно жанр альтернативной истории, причем в его пародийных, почти сатирических вариантах.

Авторы отечественных произведений, рассмотренных нами, травестируют фигуру писателя — «властителя дум», пытаются свергнуть его, однако произвольно, — всякий раз связывая писателя с историей, с самой болезненной травмой отечественной истории, Октябрьской революцией (заметим, есть во всех трех текстах!), постоянно примеряя на него роль того, кто может изменить историю, — демонстрируют, что комплекс литературоцентричности в отечественной культуре по-прежнему силен.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // *Studies in Slavic Literature and Poetics*. Vol. XX; *Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman*. Amsterdam; Rodopi, 1993. P. 1–15.
2. Штерн Б. Второе июля четвертого года. Новейшие материалы к биографии Антона П. Чехова. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2005.
3. Толстая Т. Сюжет // Толстая Т. Любишь — не любишь. М.: Оникс, Олма-Пресс, 1997. С. 258–269.
4. Лазарчук А., Успенский М. Посмотри в глаза чудовищ. М.: Амфора, 2005.
5. Брэдбери Р. О скитаньях вечных и о Земле // Брэдбери Р. О скитаньях вечных и о Земле. М.: Правда, 1987.
6. Мариас Ф. Божественный свет. М.: Мачаон, 2004.
7. Холланд Т. Тайная история лорда Байрона, вампира. М.: ЭКСМО, 2005.

References

1. Lotman Yu.M. *Smert' kak problema siuzheta* [Death as the problem of plot]. In: *Studies in Slavic Literature and Poetics*. Vol. XX; *Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu.M. Lotman*. Amsterdam; Rodopi, 1993. P. 1–15 [in Russian].
2. Shtern B. *Vtoroe iuliia chetvertogo goda. Noveishie materialy k biografii Antona P. Chekhova* [The second of July of the fourth year. The latest materials for the biography of Anton P. Chekhov]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ia, 2005 [in Russian].
3. Tolstaya T. *Siuzhet* [Plot]. In: Tolstaya T. *Liubish' — ne liubish'* [Love, not love]. M.: Oniks, Olma-Press, 1997. P. 258–269 [in Russian].
4. Lazarchuk A., Uspenski M. *Posmotri v glaza chudovishch* [Look into the eyes of monsters]. M.: Amfora, 2005 [in Russian].
5. Bradbury R. *O skitan'iakh vechnykh i o Zemle* [On eternal wanderings and on Earth]. In: Bradbury R. *O skitan'iakh vechnykh i o Zemle* [On eternal wanderings and on Earth]. M.: Pravda, 1987 [in Russian].
6. Marias F. *Bozhestvennyi svet* [Divine light]. M.: Machaon, 2004 [in Russian].
7. Holland T. *Tainaia istoriia lorda Bairona, vampira* [The secret history of Lord Byron, the vampire]. M.: EKSMO, 2005 [in Russian].

N.A. Maslenkova, E.N. Sergeeva*

**«PERHAPS HOWEVER, TO BE TRUTHFUL, HE WOULD HAVE FOUND
A NORMAL FATE?»: SPECIFIC CHARACTER OF INTERPRETATION
OF A CLASSIC WRITER'S IMAGE IN THE TEXTS OF RUSSIAN AUTHORS**

The article studies works in the alternate history genre. The plot of these books is «the fork of fate» of classic-authors who avoid death and as the result historic occasions move in new directions. Researchers prove that the figure of the author in the national culture is inextricably connected with discourse of power that testifies about the stereotype relevance of the central part of literature.

Key words: alternate history, image of classic writer, literature-centeredness of the Russian culture.

Статья поступила в редакцию 11/XII/2016.
The article received 11/XII/2016.

---

* *Maslenkova Natalia Alexandrovna* (maslenkova@mail.ru), Department of Theory and History of Culture, *Sergeeva Elena Nikolaevna* (e.n.sergeeva@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.